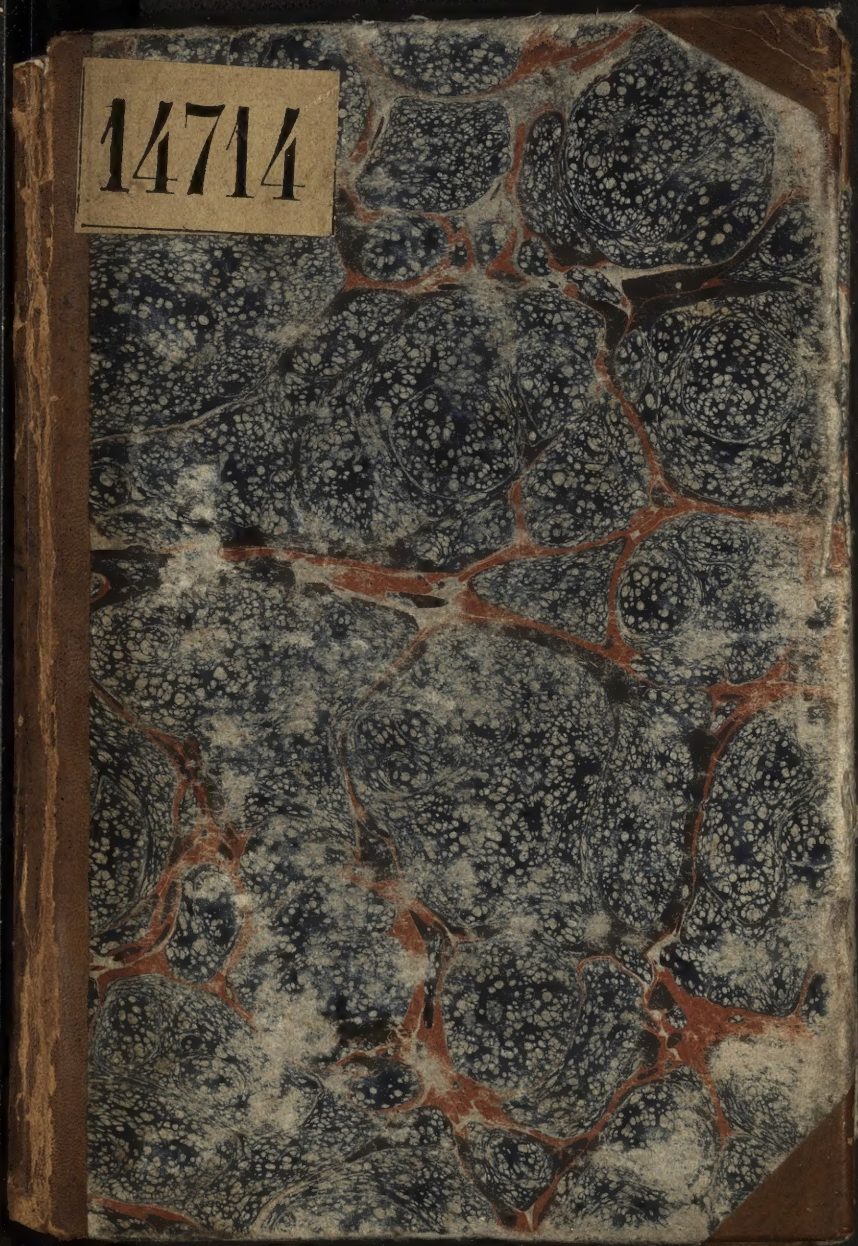

КНИЖКА

ДЛЯ

МОЕЙ ЛИЗЫ.

Любезную любить,
И ей любиму быть —
Вотъ въ свѣтѣ первое
И щастье, и блаженство!

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОСКВА.
ВЪ Губернской Типографіи у А.

Никто не читай сей книжки ; она писана для Лизы, — пусть одна Лиза ее и читаетъ.

Нѣжная Лиза!

Для тебя здѣсь изливались чувства души моей — тебѣ ихъ и посвящаю.

Весна.

Благословляю тебя, юная, нѣжная, цвѣтущая, предвозвѣстница рая! благословляю тебя, и благоговѣю предъ тобою! я вижу въ тебѣ образъ Лизы — образъ райскія отрады!.. Теплой, пріятной воздухъ питаетъ мое тѣло; зелень и цвѣты прельщаютъ мой взоръ; душистыя произрастѣнія нѣжатъ мои чувства; небесная радость возноситъ меня выше моего тлѣнія!

Весна! весна! ты истинное подобіе рая; тобою все животворится!.... Ѳиміамъ чувствительности, курится тебѣ отъ вселенной!

А я... смотря на твои прелести - на Лизины прелести, таю — теряюсь въ удовольствїяхъ... Питаюсь небесным дыханїемъ, забываю мїрскїя суеты, мїрскїя горести - забываю, что я смертной !

Скромная Лиза.

О миломЪ — мило говоритЪ.

ВЪ уголку здѣшняго города, живетЪ скромная Лиза. Многiе ее знаютЪ; но мало, можетЪ быть, такихЪ, которые знаютЪ всѣ ея достоинства; — да и знать ихЪ трудно. Я скажу: кто не читалЪ *изображенiя Понтеи*. тотЪ не знаетЪ хорошо и мою Лизу; — и знать никогда не можетЪ. Но я удивляюсь, для чего скромная Лиза изображена подЪ иносказательнымЪ именемЪ Понтеи? для чего не сказано прямо: изображенiе скромной Лизы? мнѣ кажется, это было бы лучше— прiятнѣе... Но пусть скромная Лиза будетЪ

извѣстна подъ именемъ Понтеи; это все равно. Я вѣрно знаю, когда кто увидитъ Лизу, хотя бы ее никогда не видалъ, скажетъ: это Понтея! и стало быть все равно, что онъ скажетъ: это Лиза! Понтея и Лиза — одно. И такъ, Лиза описана подъ именемъ Понтеи; — на чтожъ говорить объ ней? Но какъ не говорить о томъ, что мило? — А можно ли совершенно описать Лизу? — не льзя! Надобно взглянуть на Лизу, — и этотъ взглядъ займетъ мѣсто большой книги; — сердце тотчасъ сниметъ съ Лизы портретъ, и положитъ его въ самой нѣжнѣйшій уголокъ свой. — Но я скажу про Лизу, чего, кажется, нѣтъ въ изображеніи Понтеи.

Лиза играетъ на гитарѣ — играетъ хорошо, — а поетъ... о! она Ангельски поетъ!.... У нее любимое время играть и пѣть вечеромъ, у открытаго окошка.— Но жаль, что рѣдко играетъ передъ тѣми окошками, которыя на улицу. И отъ того-то рѣдкіе слышатъ ея голосъ. Надобно съ Лизою нарочно быть знакому, для того, чтобъ слушать, какъ она играетъ, какъ поетъ.

У Лизы на дворѣ, противъ ея спальни, есть полисадникъ;— тутъ-то она часто играетъ, часто поетъ, и ея игру, ея пѣніе, кажется, все бы слушалъ!..— Признаться ли? я бы желалъ быть цвѣточкомъ— для чего? чтобъ цвѣсть въ Лизиномъ полисаднич-

кѣ, не далеко отъ того окошка, подъ которымъ она всегда сидитъ. — О тамъ бы я, кажется, и въ зиму не завялъ! Иногда бы Лиза, можетъ быть, взглянула на меня; иногда бы, ходя по цвѣтничку подошла ко мнѣ, постояла, понюхала бы, и можетъ быть, сказала бы: „какой „это милинькой цвѣточикъ! какъ „онъ хорошо пахнетъ!..“ А можетъ быть и сорвала бы меня — и... Можетъ быть, пришпилила бы къ нѣжнѣйшей своей груди. — О! тогда бы я запахъ еще лучше — еще пріятнѣе, — и долго, долго бы не завялъ. А когда бы пришло время мнѣ завянуть, то завялъ бы я спокойно, преклонясь на мягкую возвышенность, и тамъ бы засохъ. — Но быть сему не льзя.

Я говорю: тутъ-то Лиза, противъ своего палисадничка просиживаетъ долго вечера — сидитъ, и все играетъ, все поетъ... и голосъ ея никогда не устанетъ.. Знаетъ ли она, что на нее смотрятъ? — вѣрно нѣтъ!.. Ахъ! какъ пріятно смотрѣть на дѣвушку, на хорошую, когда она не знаетъ, что на нее глядятъ... Лиза того не знаетъ, что на нее глядятъ — глядятъ долго... примѣчаютъ всѣ ея движенія...— вздыхаютъ.. Еслибъ Лиза знала, что о ней вздыхаютъ, она бы, можетъ быть, запретила. Но она судитъ по себѣ; она думаетъ, что никто ни о чемъ не вздыхаетъ. Духъ у ней всегда спокоенъ, сердце на свободѣ; она думаетъ, что такъ у всѣхъ. Ахъ,

нѣтъ, милая Лиза! ежели ты такъ думаешь — ты думаешь несправедливо; не всѣ имѣютъ Лизины чувства. Но, я знаю, ты скажешь: „ вѣдь и я не камнемъ „на свѣтъ родилась.“ Все знаю, но вѣдь ты не вздыхаешь?.. Однако, дай Богъ, дай Богъ, чтобъ ты всегда была спокойна!.. Я скажу:

Кто въ свѣтѣ семъ любилъ —
Нещастливъ вѣрно былъ!
Блаженъ, кто можетъ укрываться
Отъ ядовитыхъ стрѣлъ любви;
Тотъ можетъ вѣчно наслаждаться
Покоемъ мирнымъ во крови.

Но ты щастлива, милая Лиза! ты щастлива!.... Ты играешь съ купидономъ, мѣчешь назадъ его стрѣлы; онѣ тебя уяз-

вить не могутЪ. — Но для чегожЪ всѣ не могутЪ такЪ вольно играть сЪ купидономЪ, мѣтать назадЪ его стрѣлы? „ не знаю. " ТакЪ слышится мнѣ, Лиза отвѣчаетЪ.

Да, милая Лиза! ты и вѣрно не знаешь. . . И лучше, лучше никогда не знать! . . . . Играй и пой, утѣшайся и веселись — провождай всегда такЪ какЪ нынѣ, спокойные дни жизни своей!

Я говорю: Лиза сидитЪ долго вечера — *сидитЪ... играетЪ...* поетЪ... У ней есть сестра, такая же милая, такая же любезная, какЪ она; она поетЪ вмѣстѣ сЪ Лизою — поетЪ хорошо, — а Лиза, о! Лиза поетЪ боже-

ственно! . . . . Родится же такой человѣкъ на свѣтѣ, въ которомъ всѣ дарованія природы помѣстятся — и этотъ человѣкъ называется Лиза! Для чего не много Лизъ на свѣтѣ? тогда, вездѣ бы можно было слышать хорошую игру, хорошее пѣніе. — Но для Лизы, для Лизы тѣмъ лучше, что ихъ не много. — Лиза между дѣвицами, какъ роза межъ цвѣтовъ!

Однажды я взглянулъ на Лизу, взглянулъ и — подумалъ: ,, ,,семъ я спишу Лизу?" но она какъ будто узнала мои мысли — взглянула на меня, улыбнулась, и нѣжной взоръ ея какъ будто мнѣ сказалъ: не можешь... Я по-

думалЪ... измѣрилЪ свои силы — нашелЪ ихЪ слабыми неспособными и, призчался. — Тогда унылой вздохЪ пронулЪ мое сердце; печальной взорЪ мой отвѣчалЪ Лизѣ: „чувствую.“ Я взглянулЪ еще на Лизу, — портретЪ ея вЪ моемЪ сердцѣ. — На чтожЪ мнѣ ее описывать? — „для другихЪ.“ Она описана подЪ именемЪ Понтеи. Но всѣ Лизины прелести описать не льзя; надобно взглянуть на Лизу; вЪ ней что-то есть отмѣнное отЪ прочихЪ. — Показать ли ЛизинЪ портретЪ? — вотЪ онЪ: „Лиза молода. . . хо„роша... мила; она мила больше, „нежели какЪ прочія ! ..“ — Слабое изображеніе ! о! какЪ ты далеко отЪ подлинника!„. — Тише !

тише! выслушай и знай, Лизу лучше этаго никакЪ описать не льзя. Пусть сЪ лучшими дарованіями человѣкЪ, будетЪ трудиться надЪ описаніемЪ Лизы цѣлой вѣкЪ свой; то сЪ подлинникомЪ безпримѣрная будетЪ разность!... ЧтобЪ Лизу назвать Лизою, надобно взглянуть на нее. — И что еще? ежели кто хочетЪ списывать дѣвичьи прелести, дѣвичьи красоты, невинность нравовЪ первобытныхЪ людей, тотЪ долженЪ взглянуть на Лизу; — а безЪ того не будетЪ трудЪ его успѣшенЪ. Лиза немножко похожа на Евву. — Для чего жЪ я не опишу Лизу? не могу, не умѣю; короче, невозможное есть невозможно!

Такъ, милая Лиза! я скажу безъ лести безъ притворства, скажу прямо: ты красота своего пола!

Эта пїеска излилась изъ души моей въ то самое нещастное время, когда я неосторожно взглянулъ на Лизу. Мнѣ хотѣлось, чтобъ Лиза ее прочитала; но она съ кроткою... нѣжною... небесною улыбкою возвратила мнѣ оную назадъ. — *Жестокая Лиза!*

Потерянная вольность.

Гдѣ покой мой тотъ дѣвался,
Коимъ прежде я дышалъ?
Ахъ! онъ уже миновался;
Я жить въ горѣ, въ скукѣ сталъ.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Духъ во мнѣ теперь страдаетъ
Злою, лютою тоской;
Въ немъ надежда изчезаетъ
Возвратить назадъ покой.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Сердце ноетъ повсечастно —
Все какъ ждетъ какой бѣды;
Возвратить оно невластно
Жизни прежнія слѣды.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Нѣтъ! сему не льзя случиться,
Чтобъ я весело сталъ жить!
Время мнѣ пришло крушиться,
Всякъ часъ плакать и тужить.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Очередь моя настала
Скучно время провождать,
И печаль несносна стала
Сердце мучить и терзать.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Всѣ веселія сокрылись
И прошли какъ будто сонъ;
Игры, смѣхи удалились —
Въ сердцѣ грусти, вздохамъ тронъ.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Пожалѣй меня, любезной
Смертной, ближній милой мой!
Я лью всякой часъ токъ слезной,
Всякъ часъ мучуся тоской,
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Чтожъ мнѣ дѣлать? какъ жить
должно?
Дай мнѣ помощь, дай совѣтъ,
Чтобъ спокойно жить мнѣ можно.
Сей надежды во мнѣ нѣтъ!
Время вольности драгое,
Я на вѣки потерялъ.

Знать печалямъ на съѣденье
Я судьбой опредѣленъ,
И на вѣчное мученье
Къ злобнымъ фуріямъ включенъ.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Что теперь я? я не знаю —
Не могу себя понять!
Иногда я проклинаю,
Должно что благословлять.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Все на свѣтѣ мнѣ постыло —
Не смотрѣлъ бы ни на что!
Что мнѣ прежде было мило,
Мнѣ противно стало то.
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Ахъ! сколь суетны превратны
Жизни нашея лѣта!
Перемѣны въ ней стократны —
Вся жизнь: — скука, пустота!
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Но возможноль мнѣ нещастну
На судьбу на свѣтъ роптать;
Можноль слабостямъ подвластну
Въ связи жизни проникать?
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Нѣтъ! мнѣ должполишьпризнаться,
Что я самъ себя гублю! —
Ахъ! и можноль не терзаться?
Я жестокую люблю!
Время вольности драгое
Я на вѣки потерялъ.

Словцо о милой.

Гдѣбъ то ни было, есть одна дѣвушка (на что знать то мѣсто, гдѣ живетъ она? на что знать какъ зовутъ ее) дѣвушка милая... милая изъ милыхъ— царица милыхъ! но не старайтесь знать ее; она для сердца опасна! Кто хочетъ сохранить покой свой, не старайся знать ее; кто не хочетъ вѣчно мучиться, не старайся знать ее.

Но не думайте сердца нѣжныя, чтобъ она имѣла сердце каменное, чтобъ она имѣла чувства дикія; нѣтъ, вы такъ совсѣмъ объ ней не думайте. Она умѣетъ охранять себя щитомъ дѣвической скромности, щитомъ ума и

разсужденія; она умѣетъ охранять свою молодость отъ ядовитыхъ стрѣлъ купидоновыхъ.

И такъ, я повторяю вамъ, сердца нѣжныя! не старайтесь знать милой дѣвушки, коль не хотите вы вѣчно мучиться. Я не могу вамъ больше говорить объ ней; отъ того сердце мое раздирается. Я, къ нещастію, одинъ разъ взглянулъ на царицу милыхъ дѣвушекъ, одинъ разъ взглянулъ и, — погибъ на вѣкъ!

Въ день именинъ Л...*

Матерь природа!
Сколь ты насъ любишь:
Въ осень холодну
Къ намъ посылаешь
Ясну погоду,
Силы тѣмъ наши
Ты подкрѣпляешь;
Томныя души
Въ радость приводишь.
Мы благодарны
Передъ тобою!
Чувства сердечны
Наши ты знаешь. —
„Смертный! послушай:
„Не безъ причины
„День сей прекрасной
„ Я вамъ дарую.
„Въ сей странѣ нынѣ,
„Знай! моей милой
„Дочки любезной,
„Дочки прекрасной,

,,Знай, — именины!
Знаю, природа,
Чьи именины
Столько ты любишь —
Елисаветы? —
,,Точно; для ней я
,,День сей прекрасной
,,Вамъ подарила.
,,Пусть она знаетъ,
,,Что я имѣю
,,Въ сердцѣ къ ней много
,,Нѣжной любови." —
Знаю, природа!
Знаю, что стоитъ
Дочь твоя нѣжна
Всякой любови!
О! естьлибъ могъ я —
Я бы поздравилъ
Дочь твою нѣжну
Въ сей день стихами;
Но... не умѣю!
Знаю, не просто
Милую дочьку
Нѣжной природы
Должно поздравить.

Дней ей щастливыхъ,
Дней ей спокойныхъ,
Жизни пріятной
Всѣхъ утѣшеній,
Всѣхъ благъ небесныхъ
Должно желать ей.
Чтобъ она вѣкъ свой
Въ мирѣ, въ любови
Съ ближнимъ, съ собою
Безъ огорченья,
Въ радости мирной
Препроводила! —
„Слушай, другъ Лизы!
„Ей поздравленья
„Витїеваты
„Во все не нужны.
„Ты лишъ скажи ей:
Елисавета!
Праздную день сей,
Я веселюся —
Да веселится
Такъ твое сердце
Безпрестанно
Въ жизни твоей!

Въ лѣсу. (*)

Тѣнистыя дерева, укрывающія меня отъ зною солнечнаго; душистыя травы, покоющія меня на своей зеленой мягкости; прекрасные цвѣточки, плѣняющія взоръ мой и обонянїе; и вы, и вы милыя птички, поющія вокругъ меня, будьте свидѣтелями моего удовольствїя! ....

А ты, нѣжная матерь природа! прими благодарныя чувства отъ нѣжно-любящаго тебя сына! Я наслаждаюсь теперь щедрыми дарами твоими,— вкушаю райское блаженство! ....

(*) Когда я жилъ въ деревнѣ — розно съ Лизою.

Куда ни посмотрю, вездѣ вижу восхитительныя зрѣлища; все приводитъ меня въ восторгъ и сладкую дремоту, — и я, утопая въ небесномъ веселїи, пою сердечный гимнъ Вс создавшему. — Да пребудутъ сїи чувства вѣчны въ моей памяти!

Съ сею покойною мыслїю встаю, хожу по зеленому лугу, любуюсь нѣжными цвѣточками, срываю духовитой ландышекъ, нюхаю; иду съ нимъ къ близь текущему ручейку — пью травянымъ стебелькомъ чистую воду, мою лице и руки свѣжѣютъ, ободряюсь!.. смотрю любопытно на близь ростущую розу, подхожу къ ней ближе — большой кустъ, множество цвѣтовъ раз-

цвѣтающихъ поражаютъ меня своею красотою; я гляжу, и думаю: правду говорятъ, что нѣтъ лучше на свѣтѣ цвѣта розы, правду говорятъ. Но кто не щитаетъ розу лучше всѣхъ цвѣтовъ, тотъ не имѣетъ нѣжнаго чувства; а кто не щитаетъ Лизу лучше всѣхъ дѣвицъ, тотъ не достоинъ жить на свѣтѣ: — думаю, срываю нѣсколько цвѣтовъ, нюхаю, духъ равенъ цвѣту; иду кругомъ розы — изъ куста вылетаетъ маленькая птичка, — это малиновка! раздвигаю кустъ, вижу гнѣздо, въ гнѣздѣ маленькія дѣтки, маленькія, крошечныя... чуть, чуть шевелятся... Я протягаю къ нимъ руку — онѣ разѣваютъ ротикъ, обертываются ко мнѣ; онѣ вѣрно думаютъ, что я подаю имъ

пищу. — Несмысленныя малютки!... А бѣдная мать ихъ, перепархивая съ куста на кустъ, глядитъ на меня, и жалкимъ голосомъ говоритъ мнѣ: „не тронь „ихъ!" — Я трогаюсь чувствомъ, отбѣгаю прочь, прячусь кустъ за кустъ; смотрю, она садится къ своимъ дѣтямъ, и кажется говоритъ по своему: „вы цѣлы, и „я жива!" Я слушаю... смотрю и думаю: она ихъ любитъ, она ихъ любитъ — она ихъ любитъ также, какъ я люблю милую Лизу. — Тутъ сердце мое пріуныло, затосковало; я говорю ему: тоскуй, бѣдное сердце, тоскуй въ одиночествѣ; нѣтъ съ тобою Лизы, — и нѣтъ тебѣ утѣшенія въ жизни!

Въ такомъ уныніи, съ томмною душою, иду домой. Идувъ дали, слышу, стонетъ горлица; я слушаю жалкой ея голосъ, слушаю... иду... иду и думаю: такъ, можетъ быть, тоскуетъ нѣжная Лиза безъ милаго друга.

Жалоба. (*)

Отдаленная деревня! необозримыя поля! не проходимые дремучіе лѣса! неприступныя горы! для чего вы не скроете отъ меня образа жестокой Лизы? — „ Тогда, когда перестанетъ биться твое сердце, тогда отдалимъ отъ тебя образъ Лизы.“— Нѣтъ! тогда-то и будетъ онъ со мною не разлученъ!.. Тогда она узнаетъ, что я... тогда она узнаетъ!...

(*) Въ деревнѣ.

Изъ письма.

Изъ дальняго уединенья
Елисаветѣ поздравленье
Въ день ангела усердно шлю.

Прими, любезна дочь природы!
Да будутъ дни твои и годы
Такъ милы, какъ природа здѣсь!

Свиданье.

Прочь всѣ горести и печали! вы болѣе не можете стѣснять моего сердца; я опять щастливъ въ жизни, я опять вмѣстѣ съ отрадою души моей! Благословляю время, въ которое увидился съ Лизою; благословляю мѣсто, гдѣ живетъ она! — О мѣсто, мѣсто! есть ли лучше тебя на свѣтѣ? и тамъ, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, гдѣ цвѣтутъ и благоухаютъ розы, гдѣ небесное веселїе безконечно; и тамъ, и тамъ не былобъ для меня такъ мило,

какъ здѣсь, съ моею Лизою!...
Сердце, сердце! чего ты теперь пожелаешь болѣе въ жизни? — „ничего! Блаженство мое со мною! я довольно! спокойно! весело!..“ — Правда, правда, кто живетъ съ Лизою, тотъ можетъ быть щастливъ, тотъ долженъ быть щастливъ!

Лиза больна.

Гращїи милы!
Что вы унылы?
Или вамъ не съ кѣмъ
Нынѣ играть?

Что вы грустите?..
Слышу твердите:
,,Наша сестрица,
,,Лиза больна.

,,Нѣтъ намъ веселья,
,,Нѣтъ утѣшенья,
,,Естьли неможетъ
,,Лиза когда.

,,Все намъ не мило,
,,Все намъ постыло
,,Естьли не можемъ
,,Съ Лизой играть.

,,Виды прелестны,
,,Виды небесны
,,Скучны и мрачны,
,,Лизы гдѣ нѣтъ.

,,Тѣ намъ минуты
,,Кажутся люты,
,,Естьли не можемъ
,,Съ Лизой мы быть!"

Лиза прелестна!
Лиза небесна!
Встань! будь здорова!
Будь весела!

На выздоровленіе хоръ.

Не печальтесь, не крушитесь,
Нѣжны Граціи! веселитесь;
Съ Лизой можно вамъ играть.

Все прошло — она здорова! . . . .
Веселитесь, Граціи, снова!
Съ Лизой можно вамъ играть.

Предъ лицемъ ея порхайте,
Улыбайтесь — утѣшайте
Лизу милую для васъ!

Лиза снова освѣжѣла;
Больше, больше помилѣла;
Лиза Ангелъ во плоти! —

Снова, Граціи, веселитесь!
Снова съ Лизой обниметесь —
Съ Лизой можно вамъ играть.

Моя отрада.

Всякой часъ, всякую минуту, всякую секунду думать о Лизѣ, — вотъ моя отрада!

Владыки земные! я не завидую вашему величеству, оно передъ Лизою мечта Одинъ взглядъ Лизинъ дороже престола, дороже власти, дороже сокровищъ всего свѣта! . . . Всѣ утѣхи, всѣ радости, всѣ удовольствїя земныя предъ Лизою ничто!

Щастливъ, кто знаетъ Лизу, кто взглянулъ на нее, на кого она взглянула, — щастливъ тотъ, и въ свѣтѣ жилъ не даромъ! Кто видитъ Лизу, тотъ

видитъ всю природу: Лизины взоры тоже, что животворные лучи солнца, въ которыхъ всегда блистаетъ небесное веселіе; улыбка ея тоже, что майская утренняя заря, въ которой изображается райское удовольствіе; уста ея тоже, что распускающаяся алимпійская роза, на которыхъ нѣжныя Граціи обитаютъ; рѣчь ея тоже, что пріятное пѣніе вешнихъ птичекъ, въ которыхъ слышно нѣчто очаровательное; голосъ ея тоже, что голосъ умовъ небесныхъ, которой плѣняетъ совсѣмъ человѣка; лице ея тоже, что лице первобытныя дѣвы, на которомъ царствуетъ вѣчная невинность. — Вся Лиза тоже, что благоухающая весна!

Вотъ оттѣнокъ Лизы! а ежели кто хочетъ знать больше, тотъ самъ посмотри на Лизу.

Но я щастливъ, я часто вижу Лизу; вижу въ ней природу; — гляжу на ее, гляжу и думаю: вотъ моя отрада! Лиза всегда въ глазахъ моихъ, хотя я и часто бываю отъ нее очень, очень далеко; но сердце мое, но воображенїе мое, всегда, вездѣ, во всемъ представляетъ мнѣ Лизу.

Всякое утро, лишъ только я открою глаза свои, лишъ только увижу бѣлой свѣтъ, — думаю, что недалеко отъ меня Лиза, и отъ нее происходитъ свѣтъ сей; увижу утреннюю Аврору, думаю, [illegible]

пѣніе птичекъ, думаю, что слышу голосъ райскія Лизы; выду въ пріятной лѣсокъ, въ пріятную долину, услышу благоуханіе думаю, что близко Лиза, и Зефиры разносятъ ея дыханіе; оглянусь кругомъ себя и — утопну въ нѣжныхъ чувствованіяхъ о Лизѣ!

Такъ провожу день, провожу и думаю, что Лиза всегда со мною; приходитъ вечеръ, ложусь съ мыслями о Лизѣ; глаза мои закрываются сладкою дремотою, чувствуютъ пріятную тягость; я думаю, что Лиза закрываетъ ихъ нѣжными своими руками, сплю — и всегда во снѣ вижу ни съ чѣмъ несравненную для меня Лизу!

Нѣжныя сердца! скажите, [illegible] пріятно для спра-

стнаго, какЪ всегда имѣть вЪ глазахЪ своихЪ, вЪ своихЪ мысляхЪ, милаго душѣ и сердцу человѣка? — „нѣтЪ!" — конечно будетЪ отвѣтЪ вашЪ — божественЪ!

АхЪ! естьлибЪ я могЪ говорить сЪ Лизою, говорить, что чувствую, я бы, приклонивши колѣно, сказалЪ ей: Лиза! божество мое! тебѣ со страхомЪ и „надеждою открываю состоянїе „души моей; позволь излить передЪ тобою печаль мою и радость; позволь мнѣ, хоть одинЪ разЪ, дохнуть небеснымЪ „веселїемЪ; позволь мнѣ вымолвить... Но быстрой взорЪ „твой претворяетЪ меня вЪ камень!... Ты властна оставить „таковымЪ меня на вѣчно, и вла-

,,тна оживотворить меня од-
,,нимЪ словомЪ: — Ежели ты
,,оставишь меня вЪ образѣ хо-
,,лоднаго камня, то я велю на-
,,писать на себѣ: ,, воля небесной
,,Лизы, — и человѣкЪ, сЪ нѣж-
,,ною душею, сЪ нѣжнымЪ серд-
,,цемЪ, сЪ нѣжными чувствами, —
,,идучи мимо, взглянетЪ и ска-
,,жетЪ: ,,жестокая Лиза!" ОтЪ
,,сего слова согрѣется нѣсколько хо-
,,лодной камень, вздохнетЪ и вы-
,,ронетЪ *нѣсколько* отчаянныхЪ
слезЪ на хладную землю Ежели
же оживотворишь меня, то духЪ
мой вЪ небесномЪ веселїи скажетЪ:
нѣтЪ! Лиза не терпитЪ гибели
человѣческой! . . . АхЪ Лиза!
Лиза! взорЪ твой для меня стра-
шенЪ! сердце мое бьется, зами-
раетЪ!... Ужели ты по чело-

вѣчеству, не пожалѣешь обо мнѣ, милая, нѣжная Лиза? ужели ты ничего не чувствуешь въ сію минуту? — „ничего.“ — отвѣтъ твой. — И такъ, я радуюсь твоему спокойствію; да продолжится оно до конца жизни твоей! . . . . Пусть одинъ я буду страдать и мучиться безъ надежды! . . . . “ Такъ сказалъ бы я Лизѣ.

О! отъ одного воображенія я плаваю въ небесномъ удовольствіи! . . . Такъ! я говорю всякому чувствительному сердцу, что для меня нѣтъ ничего милѣе, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ видѣть Лизу, унижаться передъ нею. . . мечтать мыслями, и думать: — вотъ моя отрада!“

Лизинъ портретъ.

Нѣжные писатели! нѣжныя писательницы! опишите мнѣ скромную Лизу; — вотъ портретъ ея: Лиза молода... хороша... „мила; она мила больше, не-„желли какъ прочїя!“ — „Довольно!“ — опишите мнѣ ее — я буду вамъ благодаренъ. —„ Дай намъ Лизины чувства.“— Оставьте! я не прошу васъ!...

Къ сердцу.

Что ты тоскуешь?
Что ты грустишь?
Бѣдное сердце!
Гдѣ твой покой?
„Уже два года,
„Какъ я лишилось
„Сладостной жизни,
„Сладостныхъ дней. . .“ —
Милая милыхъ!
Знаешь ли ты?

Къ Лизѣ.

Прости, мой ангелъ милой!
Знать рокъ мнѣ такъ судилъ,
Чтобъ я въ тоскѣ унылой,
Въ мученьи весь вѣкъ жилъ.
Два мѣсяца — не болѣ
Могу я здѣсь пробыть —
А тамъ... въ злощастной долѣ
Я буду слезы лить.
Разставшись я съ тобою,
Душа души моей!
Разстанусь самъ съ собою
На вѣки въ жизни сей!

Какъ можно родительскому сердцу не равно любить дѣтей своихъ!

Ангельская душа! тебѣ одной только прилично сносить такїе язвительные упреки, — и отъ кого?.. Говорить ли? но сердце мое обливается кровью — ужасаюсь наименовать!...

Но ты привыкла ограждаться терпѣньемъ, дышать незлобїемъ оправдаться совѣстью. Душа твоя свѣтла, какъ красное солнце, и сердце твое нѣжно, какъ розовой цвѣтокъ, а совѣсть твоя — совѣсть твоя тоже, что совѣсть умовъ небесныхъ; Ангелъ хранитель твой всегда съ тобою. — Такъ! тебѣ можно быть терпѣливой!..

Но для чего не всѣ могутъ быть такъ терпѣливы? для чего я не научусь симъ божественнымъ для меня правиламъ? я вижу ихъ всякую минуту — вижу... Но я по своему безразсудству не достоинъ жить между людей! — Выслушайте мою жалобу:

Давно, очень давно, къ нещастію моему, узналъ я одного человѣка, узналъ, и не могу по гробъ его забыть!... Описать ли мнѣ его достоинства? но простите моей смѣлости, я его уподоблю вамъ; онъ такой же милой, такой же любезной, такойже... — Ну онъ точно какъ вы! безпримѣрное сходство! безпримѣрное сравненье!

Сей-то человѣкъ лишилъ меня вольности... покоя... раз-

строилЪ мое здоровье, — и... можетЪ быть, это будетЪ жизни моей стоить, можетЪ быть скоро... — Боже! прости моему заблужденію; я не вЪ силахЪ противиться движеніямЪ моего сердца!

КЪ довершенію моей гибели, сей человѣкЪ, повидимому, терпѣть меня не можетЪ; онЪ нетолько не удостоиваетЪ меня своихЪ разговоровЪ, но даже и взгляда. АхЪ! какое мучительное наказаніе!..

Сколько ни старался я доказывать ему о своей любви, о своемЪ почтеніи; но все это, повидимому, только умножало его ко мнѣ ненависть. — Что мнѣ оставалось дѣлать? я бралЪ на себя иногда видЪ суровости, небреженія, хотѣлЪ, по крайней мѣрѣ, таковымЪ казаться. Но

ахъ! сколь дорого стоитъ мнѣ это безвинное притворство!...

Нѣтъ! — о, гибель моя неизбѣжна! я уже чувствую великую боль въ груди моей, великую боль въ моемъ сердцѣ, — и есть-либъ не Религія!... Боже! подкрѣпи мои немощи!

Вотъ моя жалоба!

Посуди, ангелоподобной человѣкъ! посуди мою винность.. Я не виню милаго душѣ моей, любезнаго моему сердцу человѣка; — нѣтъ, я не виню его! но душа моя жаждетъ знать причину его на меня неудовольствія; и естьли я узнаю, тогда, повинуясь судьбѣ моей, умру спокойно.

Въ послѣдній разъ.

Прости.

Пришелъ мой съ Лизой
Часъ разлуки, пришелъ! — увы!
О злобной часъ! .. языкъ мой —
Сердце, весь нѣмѣю! нѣтъ чувствъ,
Я съ свѣтомъ разстаюсь! ...

Къ жаворонку.

Пой ты, миленькой жавороночикъ,
Вїясь въ воздухѣ, нѣжнымъ голо-
сомъ;
Пой, посланничикъ молодой весны!
Возвѣщай ты всѣмъ ея щастїе;
Наполняй сердца нѣжной радостью;
Восхищай чувства трельнымъ го-
лосомъ.
Величайся ты своей участью.
Тебѣ пища ужъ приготовлена
Во чистомъ полѣ на проталинкѣ,
Обогрѣтую краснымъ солнышкомъ.
Прославляй за то утромъ, вечеромъ
Того всякой день, ктосоздалъ тебя.
Между тѣмъ вѣщай къ людямъ
всякой часъ
Своимъ пѣнїемъ, что весна идетъ,
Чтобъ готовились всѣ встрѣчать
се,

Съ нѣжнымъ чувствїемъ, восхищенїемъ
Забывалибъ всѣ свои горести; —
Всѣбъ готовились вкушать радости!
Но нѣтъ, миленькой жаворонникъ,
Не пекись о семъ, дорогой пѣвецъ!
Ужевидятъ всѣ ея нѣжной взоръ,
Знаютъ щестїе въ нашъ холодной край;
Всѣ готовятся къ удовольствїямъ,
Всѣ надѣются скоро пѣть съ тобой,
Къ облегченїю всѣхъ трудовъ своихъ.
Поля скоро ужъ зеленѣть будутъ;
Древа листьями всѣ одѣнутся;
Разцвѣтутъ цвѣты въ зеленыхъ лугахъ; —
Разцвѣтутъ сердца у всѣхъ радостью.
Лишъ одинъ только, одинъ бѣдной

Встрѣчу красны дни въ лютой горести,
Въ лютой горести, въ злыхъ мученіяхъ;
Тосковать буду во темныхъ лѣсахъ
Проливать рѣкой слезы горкія;
Упрекать судьбу ко мнѣ гнѣвную,
Что заставила меня мучиться,
Вѣчно мучиться, безъ надежды жить!

Прибавокъ.

Такъ! безъ Лизы я въ томной
горести
Свѣту жалуюсь на судьбу свою,—
И свѣтъ кажется мнѣ въ уныніи,
Будто грусть, тоску онъ дѣлитъ
со мной. —
Все безъ Лизы здѣсь пустынь
пустынью! —
Такъ, нигдѣ мнѣ нѣтъ утѣшенія!..
Ахъ! судьба, судьба! пожалѣй о
мнѣ!
Прикажи скорѣй съ Лизой видится,
Ужъ и такъ во мнѣ сердце бѣд-
ное
Все изныло здѣсь въ одиночествѣ!
Люди добрые! потакните мнѣ:
Тошно, тошно жить безъ любе-
зныя!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

